

ЛЮБОВЬ
КОРОЛЕЙ

Филанна
ГРЕГОРИ

ХОЗЯЙКА
ДОМА РИВЕРСОВ

МОСКВА
2019

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Г79

Philippa Gregory

THE COUSINS WAR TRILOGY #3:
THE LADY OF THE RIVERS

Copyright © 2011 by Philippa Gregory Limited
Originally published by Touchstone, a Division of Simon & Schuster, Inc.,
as the original publisher

Перевод с английского *Ирины Тогоевой*

Художественное оформление *Сергея Власова*

Грегори, Филиппа.

Г79 Хозяйка Дома Риверсов / Филиппа Грегори ; [пер. с англ. И. Тогоевой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 544 с.

ISBN 978-5-04-103062-9

Когда юная красавица Жакетта овдовела, она не стала печалиться, а тайно вышла замуж за самого завидного жениха королевства Ричарда Вудвилла, подружилась с королевой и стала одной из самых влиятельных особ. «Как удивительно легко у нее все получается, — шептались придворные на королевских пирах, — наверняка алхимия, а может, и магия». Откуда им знать, что любовь и женское коварство сильнее всяких чар?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

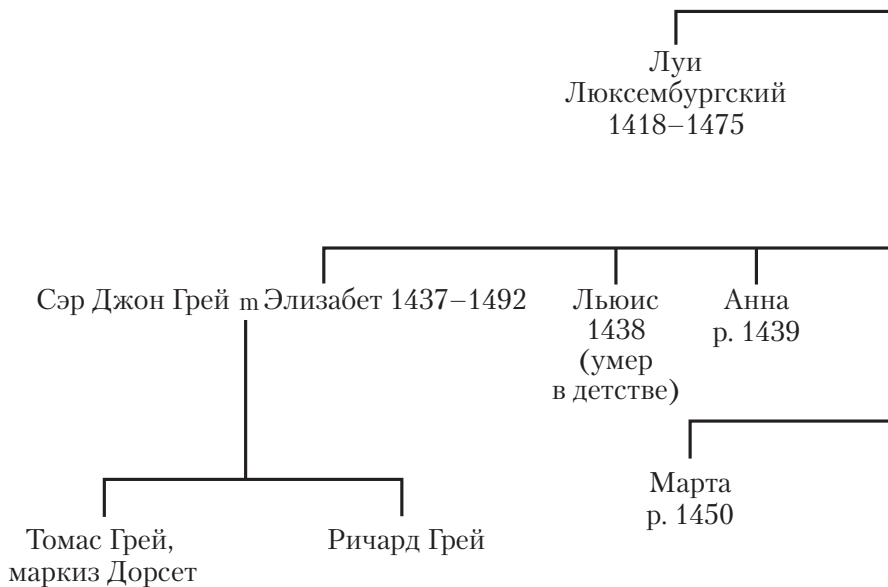
ISBN 978-5-04-103062-9

© И. Тогоева, перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Посвящается Виктории

ФАМИЛЬНОЕ ДРЕВО ЖАКЕТТЫ

*Примечание: даты рождения детей
Жакетты даны приблизительно*

Маргарет де Бо m Питер Люксембургский
1394–1469 1390–1433

Джон Ланкастерский, m Жакетта m Ричард Вудвилл,
1-й герцог Бедфорд Люксембургская 1-й граф Риверс
1389–1435 1415/16–1472 1405–1469

Энтони p. 1442 Мэри p. 1443 Жакетта p. 1444 Джон p. 1445 Ричард p. 1446

Элеонора p. 1452 Лионель p. 1453 Маргарет p. 1454 Эдвард p. 1455 Кэтрин p. 1458

Ланкастеры

ЭДУАРД III
1312–1377

Эдуард,
Черный принц

Бланш
Ланкастер

m

Джон Гонт,
герцог Ланкастерский
1340–1399

m

Генрих IV
1367–1413

Тюдоры

Генрих V
1386–1422

m

Екатерина
Валуа
1401–1437

m

Оуэн Тюдор
1385 –

Маргарита
Анжуйская
1430 –

m

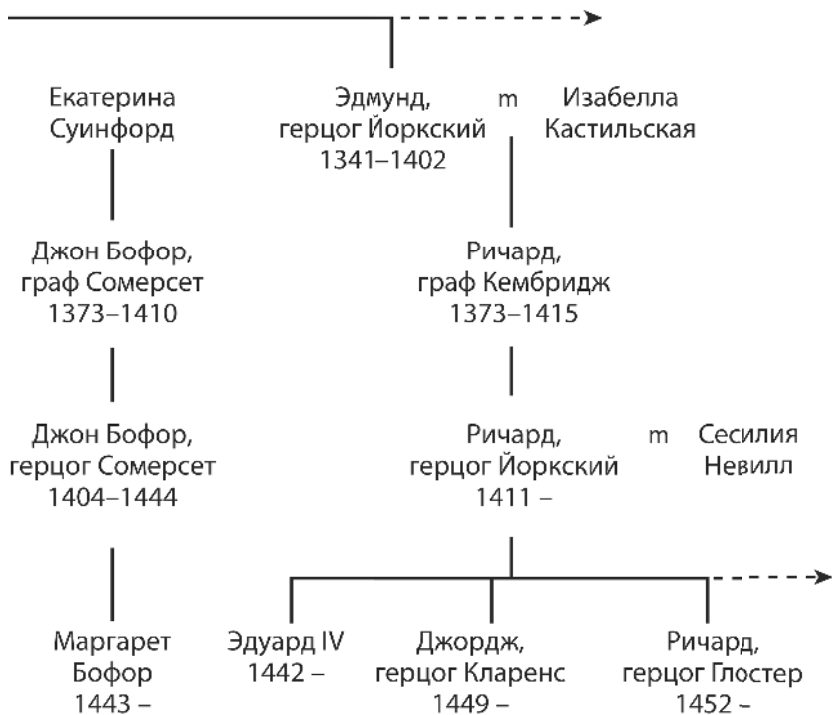
Генрих VI
1421 –

Эдмунд Тюдор
1430 –

Дома Йорков,
Ланкастеров
и Тюдоров
летом 1430 года

Йорки

Замок Боревуар близ Арраса,
Франция, лето — зима 1430 года

Она — вот уж странный военный трофей! — аккуратненько, точно послушный ребенок, сидела на маленькой скамеечке в углу темницы. У ее ног, прямо на соломе — оловянный поднос с остатками обеда. Мой дядя прислал ей со своего стола весьма неплохую еду: сочные ломти мяса и даже белый хлеб; только ела она совсем мало. Я просто глаз от нее не могла отвести; я рассмотрела ее с головы до ног — ее маленькие, как у мальчика, сапожки для верховой езды, ее мужскую, лихо заломленную шапку поверх коротко остриженных каштановых волос; я изучала ее, словно экзотическое животное вроде детеныша льва, которого прислали нам из далекой Эфиопии, желая развлечь знатное семейство Люксембургов и пополнить нашу коллекцию. Одна из фрейлин у меня за спиной перекрестилась и прошептала:

— Так она ведьма?

Этого я не знала. Да и кто мог бы утверждать наверняка?

— Глупости какие! — немедленно заявила моя двоюродная бабушка. — Кто приказал заковать бедную девочку в цепи? Немедленно откройте дверь.

Слуги смущенно забормотали что-то в свое оправдание, пытаются переложить ответственность друг на друга. Затем принесли огромный ключ, вставили в замок, и тяжелая дверь темницы отворилась. Моя бабушка вошла туда, и эта девушка — ей, наверное, было лет семнадцать-восемнадцать, всего на два-три года больше, чем мне, — подняла голову и взглянула из-под неровно подстриженной челки. Бабушка стояла молча, и пленница медленно поднялась, стянула с головы шапчонку и довольно неловко склонилась в реверансе.

— Я леди Жеанна, демуазель¹ де Люксембург, — представилась бабушка. — Это замок милорда Жана Люксембургского. Это его жена, хозяйка замка, Жеанна де Бетюн, — указала она на мою тетю. — А вот и моя внучатная племянница Жакетта.

Девушка спокойно и внимательно посмотрела на каждую из нас и каждой поклонилась. Когда я встретилась с ней глазами, меня словно толкнули и кто-то, как будто даже она сама, слегка коснулся пальцем ямки у меня на затылке; я действительно почувствовала это физически и, как мне показалось, услышала слова некоего магического языка. Конечно, мне тут же захотелось убедиться, действительно ли у нее за спиной стоят два ангела, как она утверждала. Уж не их ли присутствие я столь отчетливо ощутила?

— Ты говорить-то умеешь, девушка? — насмешливо спросила моя бабушка, поскольку пленница продолжала молчать.

— О да, госпожа моя, — наконец промолвила та; в ее речи слышался сильный акцент, свойственный уроженцам Шампани.

И я как-то сразу поняла, что все истории о ней — чистая правда: она действительно всего лишь крестьянка, хоть и сумела не только возглавить армию, но и короновать правителя².

— Можешь дать мне слово, что не сбежишь, если я прикажу снять с твоих ног цепи?

Пленница колебалась, словно у нее и впрямь было право выбора.

— Нет, дать слово не могу.

Бабушка улыбнулась.

— Тебе известно, что это значит — освободить пленника под честное слово? Так вот: я могу освободить тебя; ты станешь жить вместе с нами здесь, в замке моего племянника; но ты должна пообещать, что не убежишь.

Девушка нахмурила брови и отвернулась. Казалось, она прислушивается к чьим-то голосам, ищет совета. Затем она снова отрицательно покачала головой и произнесла:

¹ Титул старшей и главной женщины в семье великих герцогов Люксембургов — династии императоров Священной Римской империи в 1308–1437 гг., вплоть до 1437 г. занимавшей также чешский и венгерский престолы.

² Французский дофин из династии Валуа стал благодаря Жанне д'Арк королем Карлом VII (1403–1461) и был коронован в Реймсе в 1429 г.

— Я знаю, что такое освобождение под честное слово. Это когда один рыцарь дает обещание другому. Они соблюдают свои особые правила, и на войне, и во время турниров. Но я не такая. И слова мои настоящие, а вовсе не те, какими пользуются трубадуры, сочиняя свои поэмы. И для меня это не рыцарский турнир и не игра.

— Девушка, опомнись! — вмешалась моя тетка Жеанна. — Освобождение под честное слово — это совсем не игра!

Строго на нее посмотрев, пленница сказала:

— О да, госпожа моя! Это совсем не игра! Хотя благородные господа не слишком-то серьезно относятся к таким вещам. Во всяком случае, менее серьезно, чем я. Они как бы играют в войну и придумывают для этого разные хитрые правила. Или возьмут и выедут верхом на конях, вытопчут посевы у добрых людей, подожгут тростниковые крыши в их домах, а после смеются. И потом, я просто не могу больше никому ничего обещать. Все обещания мною уже даны.

— Тому, кто несправедливо именуется королем Франции?

— Нет, Господу нашему, Царю Небесному.

Обдумывая ее слова, бабушка помолчала, затем заключила:

— Все-таки я прикажу снять с тебя цепи, но тебя будут сторожить, чтобы ты не убежала. Можешь потом прийти в мои покои и посидеть вместе с нами. На мой взгляд, то, что ты сделала для своей страны и французского дофина, это великий подвиг, Жанна, хоть и зря ты так поступила. В общем, я не желаю, чтобы тебя держали в моем доме в цепях как пленницу!

— Значит, ты, госпожа моя, прикажешь своему племяннику меня освободить?

Бабушка ответила не сразу:

— Ну, приказать ему я не могу, но непременно сделаю все, что в моих силах, чтобы ты могла вернуться домой. Во всяком случае, я уж точно не позволю ему передать тебя англичанам.

При одном лишь упоминании об англичанах девушка задрожала с головы до ног и стала истово креститься, смешно стуча себя пальцами по лбу и по груди — так обычно крестятся темные крестьяне, если их припугнуть чертом. Я тихо фыркнула, с трудом сдерживая смех, и сумрачный взгляд девушки уперся в меня.

— Они ведь всего лишь обычные люди, — попыталась я объяснить ей. — И могущества у англичан не больше, чем у всех прочих

смертных. Тебе не стоит так сильно их бояться. Чего ты каждый раз крестишься, стоит о них упомянуть?

— Я вовсе не боюсь их, — возразила пленница. — И я не настолько глупа, чтобы думать, будто они обладают каким-то сверхъестественным могуществом. Дело не в этом. Но они-то знают, каким могуществом обладаю я, — вот почему они так опасны для меня. Они до смерти меня боятся. Их так беспокоит мое «невероятное могущество», что они готовы уничтожить меня в ту же секунду, как только я окажусь у них в руках. Я внушаю им ужас. Я — тот страх, что подкрадывается к ним по ночам.

— Ничего, пока я жива, они не получают тебя, — заверила моя бабушка.

Но Жанна д'Арк смотрела при этом не на нее, а на меня — это совершенно точно! Она просто не сводила с меня своих мрачных глаз, словно желая убедиться, что и мне тоже послышался в словах Жеанны де Люксембург, прозвучавших вполне искренне, отзвук пустого обещания.

Моя двоюродная бабушка полагала, что если ей удастся ввести Жанну в наше общество, разговорить ее, охладить ее религиозный пыл и, возможно, даже дать ей какое-то образование, то она со временем тоже начнет и вести себя, и одеваться как подобает приличной девушке; и тот юноша-воин, которого стащили с белого коня во время битвы при Компьене, превратится в юную фрейлину, подобно тому, как в Кане Галилейской благодаря Иисусу вода превратилась в вино; и эта новая фрейлина станет подчиняться приказам своей госпожи, а не звону церковных колоколов. Бабушка надеялась, что англичане тогда попросту не распознают Жанну среди других наших фрейлин — ведь они требуют, чтобы мы отдали им это двуполое чудовище, убийцу, а мы сможем показать им лишь невинную и покорную юную придворную даму. Возможно, тогда они успокоятся и уйдут творить насилие на чужую землю.

Чувствовалось, что сама Жанна до предела измучена недавними поражениями и мучительным пониманием того, что ею же коронованный правитель не стоит даже священного мира, потраченного на его помазание; что враг, которого она так много раз заставляла отступать, вновь наступает, но теперь миссия, возложенная на нее самим Господом, стала для нее невыполнимой. Все то, из-за чего обожавшие Жанну воины прозвали ее Орлеанской Дев-

стенницей, вдруг расплылось, подобно зыбкой пелене тумана, и она, пользуясь неизменно добрым отношением моей двоюродной бабушки, вновь стала превращаться в обычную, довольно неотесанную деревенскую девчонку, в существо, не имеющее абсолютно никакого значения.

Разумеется, бабушкиным фрейлинам не терпелось побольше узнать о том, чем все-таки закончилась череда поражений, выпавших на долю Жанны д'Арк, и поскольку она теперь все дни проводила в нашем обществе, учась быть обыкновенной девушкой, а не Той Самой Девственницей, фрейлины набрались смелости и стали ее расспрашивать.

— Откуда в тебе столько храбрости? — поинтересовалась как-то одна из них. — Как ты сумела так мужественно вести себя в бою?

Жанна улыбнулась, услышав этот вопрос, но ответила не сразу. В тот день мы вчетвером сидели на заросшем травой берегу у крепостного рва, заполненного водой, и предавались безделью, точно беспечные дети. Июльское солнце безжалостно пекло, обширные пастбища вокруг замка затянуло жарким дрожащим маревом; даже пчелы стали какими-то ленивыми и еле жужжали, перелетая с цветка на цветок, а то вдруг и вовсе замолкали, точно опьянев от цветочного нектара. Мы выбрали местечко в глубокой тени, которую отбрасывала самая высокая из крепостных башен; иногда во рву слышался всплеск, и по зеркальной поверхности воды расплывались круги — это кормились водившиеся там карпы.

Надвинув на глаза свою шапчонку, Жанна растянулась на траве и, как мальчишка, время от времени шлепала рукой по воде. Рядом с нами стояла большая корзина с наполовину готовыми рубашками для бедных детишек из ближайшего к нам селения Камбре; эти рубашки нам полагалось подшить, однако фрейлины, как правило, вообще избегали любой работы, а Жанна шить и вовсе не умела. Я же, прихватив с собой колоду драгоценных игральных карт, принадлежавших моей двоюродной бабушке, лениво перемешивала их, то рассыпая, то снова собирая и рассматривая картинки. Наконец Жанна очень просто произнесла:

— Я знала, что призвана Господом. И знала, что Он защитит меня, потому и не ведала страха. Даже во время самых жестоких сражений. Он предупреждал меня, что я буду ранена, но не почувствую боли, а потому я была уверена, что так или иначе смогу про-